

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ И ЕГО КРИТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

О.Т. Вите

1. Единство истории

Борис Федорович Поршнев родился 7 марта (22 февраля) 1905 г. в Петербурге. Его отец, Федор Иванович (1875-1920), инженер-химик и владелец небольшого кирпичного завода; мать – Аделаида Григорьевна Тинтурина (1874-1959), домохозяйка. В 1922 г. Борис закончил среднюю школу.

Именно тогда произошло первое знакомство Поршнева, воспитанного в атмосфере отцовского преклонения перед естественными науками, со своей будущей специальностью. Провалив выпускной экзамен по истории и готовясь к переэкзаменовке, Поршнев стал много читать, причем не только учебники. Это чтение и стало первым шагом в профессию историка: он не только обнаружил, что «существующие книги по истории описывают отдельные ее события, а не саму историю», но и «захотел написать обо всей истории целиком, о том, как она началась, по каким законам развивалась, так, чтобы получилась настоящая наука, наука, в основе которой лежит теория, а не только описание фактов»¹. Через полвека Поршнев напишет: «Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, – не историк, он знаток старины, и не больше: историк только тот, кто, хотя бы и рассматривая в данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем этом процессе»².

Олег Тумаевич Вите, главный эксперт Фонда поддержки законодательных инициатив.

¹ *Поршнева Е.Б.* Реальность воображения (записки об отце) // Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). Изд. 2-е, доп. СПб, 2005 (в печати).

² *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 95.

В 1922 г. Б.Ф. поступает в 1-й Петроградский государственный университет на Общественно-педагогическое отделение Факультета общественных наук (ФОН), но в связи с переездом семьи в Москву тогда же, еще до начала занятий, переводится в 1-й Московский государственный университет на то же отделение. ФОН включал тогда две профилирующие дисциплины – историю, которой Поршнев начал заниматься под руководством ректора МГУ профессора В.П. Волгина, и психологию. По совету профессоров Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова, под руководством которых Поршнев занимался психологией, он стал параллельно учиться и на биологическом факультете.

В автобиографии 1926 г. Поршнев пишет, что к осени 1925 г. он уже «окончил университетский курс, выполнив академические требования», правда, добавлял: «дипломная работа еще не сдана»³. В это время, по воспоминаниям знавших его людей, Поршнев допускает роковую ошибку. Выбрав для себя историю как непосредственную профессию и получив документ об окончании ФОН, он не стал добиваться получения второго диплома – об окончании биологического факультета. Лишь много позже он понял цену своей недальновидности: формальное отсутствие диплома о биологическом образовании оказывалось решающим аргументом для того, чтобы отвергнуть его притязания не только на открытия, но даже на собственное мнение в области физиологии высшей нервной деятельности, эволюционной зоологии и других биологических наук.

Вспоминая об этом эпизоде через 40 лет, Поршнев имел уже все основания утверждать свое «неписаное право на диплом биолога»: «Кто сделал дело в биологии, тот биолог»⁴.

Осенью 1926 г. по рекомендации Института советского строительства Комакадемии Б.Ф. был принят аспирантом по секции новой русской истории в Институт истории РАНИОН⁵. Следом его занятий новой русской историей является небольшая заметка в Малой советской энциклопедии: «Министерства в России»⁶. Вероятно, его автобиография 1926 г. и была написана для поступления в аспирантуру; вот ее последние слова: «...желал бы перейти в институт истории РАНИОН

³ См.: *Поршнев Б.Ф.* Автобиография. 1926 г. – Научный Архив РАН (Далее – НА РАН). Ф. 359. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 48. Пользуюсь случаем выразить признательность г-же Инне Евгеньевне Павловой за предоставленную возможность пользоваться сделанными ею выписками из документов этого архива.

⁴ *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата. 1968. №7. С. 125.

⁵ *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 72 (прим.).

⁶ *Поршнев Б.Ф.* Министерства в России // МСЭ. М., 1930, т. 5.

для специализации по вопросам новой и новейшей русской истории и истории социализма»⁷.

В конце 1929 г. Поршнев закончил аспирантуру и в январе 1930 г. был направлен для педагогической стажировки в Ростов-на-Дону. Летом 1932 г. он возвращается в Москву и приступает к самостоятельной научной работе о народных восстаниях во Франции XVII в. К выбору страны он был вполне подготовлен и знанием французского языка, и своим ученичеством у В.П. Волгина. На выбор периода французской истории для его исследований повлияли почти случайные обстоятельства. В 1932 г. издательство «Academia», планировавшее издание русского перевода мемуаров кардинала Ретца (Поля Гонди), предложило Поршневу написать комментарии и предисловие. Через 25 лет Б.Ф. так вспоминал об этой работе: «В мемуарах Ретца встретилось беглое упоминание о каких-то народных волнениях накануне Фронды. Эта маленькая искра не могла не воспламенить моего внимания. К этому беглому упоминанию я захотел сделать как можно более обстоятельное примечание. Чем труднее было найти материалы и факты, тем сильнее становилось упорство. Прошло пятнадцать лет, и вместо комментария к мемуарам кардинала Ретца я опубликовал большую исследовательскую монографию “Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)”»⁸.

Тогда же Поршнев обнаружил в Публичной библиотеке в Ленинграде часть архива канцлера Сегье, богатые материалы которого фактически предопределили тему докторской диссертации ученого. Б.Ф. писал, что «наткнулся на эти неопубликованные источники по истории народных восстаний довольно случайно в 1933 г., в связи с занятиями историей Фронды, и в дальнейшем подверг их тщательному изучению»⁹.

В Москве Поршнев работал ученым консультантом по всеобщей истории в Государственной библиотеке СССР им. Ленина, с лета 1935 г. – старшим научным сотрудником сектора феодализма Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). С 1936 по 1939 гг. параллельно – научным редактором по истории средних веков в Большой советской энциклопедии. Осенью 1937 г. ГАИМК была ликвидирована, и Поршнев начал искать новую постоянную работу. Сохранилась его автобиография, написанная в конце 1937 г. после ликвидации ГАИМК. По всей видимости, она

⁷ Поршнев Б.Ф. Автобиография. 1926 г.

⁸ Поршнев Б.Ф. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2003. С. 195.

⁹ См.: Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. С. 7.

сопровождала его заявление о приеме на работу в созданный годом ранее Институт истории АН СССР. В это время Б.Ф. начал сотрудничество с этим институтом, но принят туда на работу он будет лишь в 1943 г., после защиты докторской диссертации.

Сразу после создания ИИ АН СССР его сотрудники включились в работу над многотомной «Всемирной историей». Идея создания такого труда возникла на рубеже 20-х и 30-х годов (если не раньше), но была реализована лишь начиная с середины 50-х. В рамках этого проекта руководство ИИ в 1936 г. поручило тогда еще сотруднику ГАИМК Поршневу разработать тему «Крестьянские восстания во Франции в XVI-XVII вв.». В следующем году план издания стал более конкретным, и для серии из девяти томов, посвященных средневековой истории, Поршневу было поручено написать: для VI тома разделы о Франции XVI в. и о кальвинизме; для VII тома – о развитии мировой торговли и капитализма в Европе XVII в.¹⁰ Выбор тем свидетельствует об уже ведущихся исследованиях Поршнева: вряд ли бы он дал согласие на подготовку «раздела» по теме, к исследованию которой еще не приступал. Так, например, большое исследование о международном торговом капитале было к середине 30-х годов уже закончено¹¹; о кальвинизме – будет опубликовано в 50-е годы¹². Есть данные о сотрудничестве Поршнева с Институтом истории и в 1939 г.¹³; более поздних сведений нет. Вероятно, такое сотрудничество заметно сократилось: у Поршнева был очень непростой характер и отношения с коллегами-историками могли и не сложиться. Во всяком случае, некоторые оценки, приведенные в книге Кондратьевых, делают такую гипотезу правдоподобной: «Одним из самых ярких полемистов того времени был Б.Ф. Поршнев... Он, пожалуй, одновременно был и самым последовательным и творческим “строителем” концепции абсолютизма из цитат [«классиков»] марксизма. – О.В.]. Причем он стремился “подпереть” цитаты конкретным материалом. Б.Ф. Поршнев много работал с источниками, в том числе и с рукописными»¹⁴. Другим словами, он выделялся среди историков знанием марксизма и вкусом к теоретическим обобщениям, а среди специалистов по марксизму – знанием фактов и вкусом к изучению исторических источников. Обладая таким

¹⁰ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Указ. соч. С. 50-51.

¹¹ Поршнев Б.Ф. [Торговый капитал в докапиталистической истории]. Рукопись (машинка) – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 19. Ед. хр. 4. Лл. 1-97, 120-147.

¹² Поршнев Б.Ф. Кальвин и кальвинизм. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Вып. 6.

¹³ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Указ. соч. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 72-73.

способностями и хорошо понимающему свои преимущества молодому полемисту Поршневу не легко было вписаться в научное сообщество.

В 1935 г. Поршнев стал профессором Московского областного педагогического института¹⁵. В 1938 г. он получил кандидатскую степень и институтскую кафедру истории средних веков; в том же году стал профессором и Московского института истории, философии и литературы¹⁶.

Тогда же появилась и первая полноценная публикация результатов его исторических исследований¹⁷. В следующем году на общем собрании отделения истории и философии АН СССР, посвященном 150-летию Французской революции, Поршнев выступил с докладом: «Крестьянские и плебейские движения XVII-XVIII вв. во Франции»¹⁸. В ноябре 1940 г., на Ученом совете МИФЛИ Б.Ф. Поршнев защитил докторскую диссертацию – «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648 гг.)».

Подготовленная на основе диссертации монография была опубликована в 1948 г.¹⁹ Книга была переведена на немецкий²⁰ и французский²¹ языки; позже, на основе второго, сокращенного, французского издания²² были изданы испанский и итальянский²³ переводы. Отдельные главы книги переведены на английский язык²⁴. Разумеется, восстаниями во Франции XVII в. занимались и до Поршнева, но он был первым

¹⁵ С 1918 г. и до конца 30-х годов профессорское звание присваивалось всем лицам, самостоятельно ведущим занятия в вузах.

¹⁶ См.: Поршнев Борис Федорович // Профессора исторического факультета Казанского университета (1939-1999). Библиографический словарь. Казань, 1999. С. 55. В статье говорится, что Б.Ф. стал профессором уже в 1933 г., но учебное заведение, где было ему присвоено это звание, не указано. МИФЛИ (первоначальное название — Историко-философский институт) возник в 1931 г. на базе факультета истории и философии Московского университета. В 1941 г. он вошел обратно в Московский университет. Соответственно, будучи с 1938 г. профессором МИФЛИ, Поршнев автоматически стал профессором МГУ.

¹⁷ *Поршнев Б.Ф.* Восстание в Байонне в 1641 г. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1938, № 1-2.

¹⁸ *Поршнев Б.Ф.* Крестьянские и плебейские восстания во Франции XVII-XVIII вв. // Историк-марксист. М., 1939, №4.

¹⁹ *Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции...

²⁰ *Porschnev B.F.* Die Volksaufstände in Frankreich von der Fronde 1623-1648. Leipzig, 1954.

²¹ *Porchnev B.F.* Les soulèvements populaires en France 1623-48. P., 1963.

²² *Porchnev B.F.* Les soulèvements populaires en France aux XVIIe siècle. Édition abrégée. P., 1972 (переиздана в 1978 г.).

²³ *Porchnev B.F.* Los levantamientos populares en Francia en el siglo XVII. Madrid. 1978; *Idem.* Lotte contadine e urbane nel Grand siècle, Milano, 1976 (переиздана в 1998 г.).

²⁴ См.: France in crisis, 1620 – 1675. Totowa, N.J., 1977. В сборник вошли два текста Поршнева: The Bourgeoisie and Feudal-Absolutism in Seventeenth-Century France; Popular Uprisings in France before the Fronde, 1623 – 1648.

историком, кто дал обобщенную картину непрерывной цепи народных выступлений за длительный период. Благодаря своему исследованию Б.Ф. стал одним из самых авторитетных российских историков во Франции. В 1957 г. Клермон-Ферранский университет присудил ему степень доктора «Honoris Causa». Авторитет Поршнева во Франции выражался и в том, что с его позицией нельзя было не считаться даже самым непримиримым критиком. Наиболее известный пример – полемика между Поршневым и Роланом Мунье. Во многом, благодаря ей Поршнев стал известен и в англоязычном мире: с тех пор тема «Спор между Б. Поршневым и Р. Мунье» стала обязательной в курсе изучения истории Франции едва ли не в каждом англоязычном университете.

За монографию «Народные восстания» Б.Ф. Поршневу 3 марта 1950 г. Постановлением Совета министров СССР была присуждена Сталинская премия СССР III степени за 1949 г. В планах ученого было продолжение исследований по теме народных восстаний. «Фронда, – писал он, – лежит на грани двух больших циклов крестьянско-плебейских движений, каждое из которых занимает около 25 лет (приблизительно 1623 – 1648 и 1653 – 1676)... Характеристика восстаний второго цикла, а также вопрос о влиянии народных движений на развитие французской общественной мысли, составят тему другой подготавливаемой работы»²⁵.

Важно подчеркнуть: исследуя народные восстания во Франции XVII в. Поршнев мысленно представлял себе и весь процесс человеческой истории в целом. Поршнев-историк никогда не был просто «знатоком старины»; его интересовала история, «в основе которой лежит теория, а не только описание фактов»; его привлекала проблематика взаимосвязи человеческой истории как целостного процесса; он искал и исследовал признаки, характеристики, проявления этой целостности, причем в трех измерениях. Два из них, следуя швейцарскому лингвисту Ф.М. де Соссюру, Поршнев назвал синхроническим (реальная взаимосвязь всего человечества в каждый момент времени) и диахроническим (вектор восходящего развития человечества с момента выделения из животного мира). Наконец, третьим измерением единства истории Поршнев считал взаимосвязь всех проявлений жизни людей – экономики, политики, культуры и т.д. Позже он так суммировал эти три измерения единства человеческой истории:

²⁵ *Поршнев Б.Ф.* Народные восстания... С. 29. В сноске Поршнев называет опубликованные им статьи «отрывками» этой задуманной работы: *Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции при Кольбере // Средние века. М.; Л., 1946. Вып. 2; *Он же.* Цели и требования крестьян в Бретонском восстании 1675 г. // Труды МИФЛИ. М., 1940. Т. 6; *Он же.* Восстание в Бордо в 1675 г. // Истфак МГУ. Доклады и сообщения. М., 1945. Вып. 3.

«Когда говорят о [единстве. – *О.В.*] всемирной истории, имеют в виду три аспекта. Во-первых, подразумевается, что она цельна и едина во времени – от ее начала в доисторические времена до наших дней. Во-вторых, подразумевается, что она цельна и едина в смысле охвата живущего на земле человечества, т.е. является всеобщей историей живущих в каждый момент рас, языков, народов. В-третьих, подразумевается цельность, полнота, единство многогранной общественной жизни. Общественное бытие и общественное сознание, политика и культура, войны и мирный быт, лингвистика и психология, словом, – все человеческое должно быть охвачено во взаимосвязи. Конечно, все эти три единства являются практически недостижимым идеалом – всегда остаются зияющие пробелы и разрывы. Но важно отдавать себе отчет в логических тенденциях данного понятия»²⁶.

Но если диахроническая целостность истории к моменту выбора Поршневым профессии историка была вполне обоснована марксизмом в теории смены социально-экономических формаций, то проблема Синхронического единства едва угадывалась. К слову сказать, приведенное выше диахроническое противопоставление «историка» и «знатока старины» допускает и синхроническую трактовку: даже если историк изучает ход событий какой-либо временной протяженности на ограниченном пространстве (одна или несколько стран), то он должен всегда подразумевать включенность этого пространственного фрагмента в систему связей всей эйкумены в целом: «как некое предельное понятие горизонтальный срез должен занимать свое место в мышлении историка»²⁷.

Синхроническому единству человеческой истории посвящен цикл многолетних исследований Поршневым «горизонтального» среза исторического процесса «толщиной» чуть более четверти века – работы о взаимосвязи внешней и внутренней политики европейских и не только европейских стран в эпоху Тридцатилетней войны – первой в мировой истории общеевропейской войны.

Из задуманной трилогии, посвященной этому горизонтальному срезу, при жизни Поршнева увидела свет только заключительная часть – «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.»²⁸. Посмертно была опубликована первая часть – «Тридцати-

²⁶ *Поршнев Б.Ф.* Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 302-303.

²⁷ Там же. С. 312.

²⁸ *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

летняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства»²⁹ (переведена на английский язык³⁰). По-видимому, первая часть была написана много раньше третьей: сохранилась рукопись ее раннего варианта³¹, подготовленная к печати, возможно, еще в 40-е годы, но по каким-то причинам не опубликованная. Судьба средней части («второй книги») не ясна. В предисловии Поршнева к опубликованной посмертно первой части он излагает основные темы «второй книги», приводит ссылки на опубликованные статьи и отрывки, относящиеся к ней, и называет ее «в основном подготовленной»³², однако никаких следов существования рукописи этой «второй» книги пока найти не удалось.

Два обстоятельства вывели Поршнева на тему первой общеевропейской войны в качестве своего рода case study – исследования частного случая общей проблемы синхронического единства человеческой истории. С одной стороны, изучение народных восстаний во Франции перед Фрондой, т.е. во время Тридцатилетней войны, показало Поршневу, что полноценное понимание этих восстаний, их хронологической и территориальной локализации, их масштабов и продолжительности невозможны без учета взаимодействия страны, где они происходили, с окружавшими ее государствами. Уже через три месяца после защиты докторской диссертации Поршнев выступил в ИИ АН СССР с докладом о влиянии Английской революции на общественную жизнь Франции того времени³³.

Позже, поясняя преемственность синхронических исследований эпохи Тридцатилетней войны по отношению к своим более ранним работам, Поршнев писал о различных вариантах дальнейшего развития темы книги «Народные восстания во Франции» и о своем выборе из этих возможных вариантов: «От этой темы можно было бы идти хронологически назад или вперед, можно было бы в тех же хронологических рамках углубиться в исследование экономики, администрации, психологии, идей и т.д. Я действительно занимался всем этим в той или иной мере. Но основной путь выбрал иной: я как бы перешагнул за пределы Франции и пошел вширь по карте мира. Иными словами, новое исследование – это горизонтальная история приблизительно в том же самом

²⁹ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

³⁰ Porshnev B.F. *Muskovy and Sweden in the Thirty Years' War 1618-1648*. Cambridge, 1995

³¹ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 10. Ед. хр. 1.

³² Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война... С. 5-6.

³³ См.: Ярецкий Ю.Л. Б.Ф. Поршнев. Очерк творческой биографии. Уссурийск, 1983. С. 18. Рукопись деп. в ИНИОН РАН. № 13303.

хронологическом кадре, в котором была написана моя книга о народных восстаниях во Франции»³⁴.

С другой стороны, начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война подтолкнула Поршнева к изучению истории взаимоотношений России и Германии³⁵, что, в свою очередь, привело его к переоценке этих взаимоотношений вообще и, в частности, к переоценке роли России в Тридцатилетней войне. О своем столкновении со сложившейся историографической традицией Б.Ф. писал: «Максимум, что допускал шаблон для XVI-XVII вв., – это изучение торговых связей русских купцов с западными. О существенном воздействии военно-политической силы Московского государства на Западную Европу не могло быть и речи. Нетрудно видеть, что покуситься на эту традицию и солидно обосновать свое покушение значило действительно сделать открытие»³⁶.

Эпоха Тридцатилетней войны – не единственный период мировой истории, привлекавший Поршнева в качестве объекта для исследования синхронических срезов. Заслуживает упоминания еще одна попытка столь же масштабного исследования. Она особенно интересна тем, что Поршнев пытался реализовать новый проект не в одиночку, как случилось с трилогией о Тридцатилетней войне, а во главе коллектива исследователей. На опыте собственного «почти нескончаемого исследования»³⁷ мировой истории второй четверти XVII в. он очень хорошо понимал колоссальные трудности «горизонтальных срезов эйкуменического масштаба»: «Технически каждый из них представляет необычайно сложную задачу. Ни один историк не может обладать необходимой филологической подготовкой и даже библиографической информацией. Один горизонтальный срез – задача для широкой кооперации специалистов»³⁸.

И вот случай «широкой кооперации специалистов» как будто представился. В самом начале 60-х годов в возглавлявшемся Поршне-

³⁴ Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика... С. 29.

³⁵ См.: Поршнев Б.Ф. Завоевательные авантюры в истории Германии и гитлеровщина // Большевик. М., 1943, № 14 (в 1947 г. статья была опубликована в существенно более полном виде, но почему-то только на немецком языке: Porschnev B.F. Über die gewisse Tendenzen in der deutschen Geschichte. // Sowjetliteratur. Moskau, 1947. Heft 1); Он же. Ледовое побоище и всемирная история // Истфак МГУ. Доклады и сообщения. М., 1947. Вып. 5 (Первая публикация на эту тему появилась в Казани к 700-летию Ледового побоища, в газете «Красная Татария» 5 апреля 1942 г. Поршнев работал в Казанском университете с осени 1941 г. по весну 1942 г.); Он же. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV-XVIII вв. // Уч. зап. АОН при ЦК ВКП(б). М., 1948, Вып. 2; Он же. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну // Исторический журнал. 1945. Кн. 3.

³⁶ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война... С. 6.

³⁷ Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? С. 315 (прим.).

³⁸ Там же. С. 312.

вым с 1957 г. секторе Новой истории западноевропейских стран ИИ АН СССР родился замысел многопланового исследования эпохи Французской революции XVIII в. Редакционная коллегия издания включала наряду с Поршневым (возглавлявшим ее по должности) А.З. Манфреда, В.М. Далина, В.П. Волгина, Я.М. Захера, Б.Г. Вебера, А.В. Адо и др. По поручению редколлегии Адо подготовил «Перспектив коллективного труда «Великая французская буржуазная революция XVIII века» в трех томах»³⁹, который в 1962 г. тиражом 100 экз. был отпечатан институтом. Брошюра в 62 страницы рассылалась в соответствующие учебные и научные заведения для последующего обсуждения, формирования авторского коллектива и утверждения окончательного плана издания. Вот что пишет об этом начинании Д.Ю. Бовыкин, автор биографии А.В. Адо: «Это был воистину глобальный проект, в духе Б.Ф. Поршнева, – экономика, международные отношения, общественная мысль, наука и техника, французское Просвещение (начиная с конца XVII в.), литература, архитектура, театр, музыка»⁴⁰.

Достаточно назвать лишь некоторые разделы намеченной монографии, чтобы увидеть явные признаки поршневого «синхронического среза»: «Народы мира к 70-м годам XVIII века... Феодальные порядки в Европе. Развитие капитализма в странах Европы и Северной Америки... Развитие народов Азии, Африки, Америки. Колониальная политика... Международные связи и международные противоречия в середине XVIII века... Подъем общественных движений и распространение передовых идей в Европе и Северной Америке в 60-х – 80-х годах XVIII века... Начало Французской революции и Европа (1789 – весна 1792 г.)... Влияние Великой французской революции на развитие других стран и народов...»⁴¹.

Однако проект так и не был завершен: слишком велики оказались различия между Поршневым и его коллегами в понимании истории как науки. О дальнейшей судьбе проекта Бовыкин пишет: «Как видно из протоколов заседаний редколлегии, приоритет, отдаваемый проблемному принципу в ущерб хронологическому... вызвал возражения у Манфреда и Далина. К тому же, по мнению Манфреда, высказанному как-то в разговоре с А.В. Гордоном, в таком виде получалось исследование

³⁹ Пользуюсь случаем выразить признательность А.В. Чудинову за предоставленную возможность ознакомиться с этим «Перспективом», экземпляр которого хранится в его личном архиве.

⁴⁰ *Бовыкин Д.Ю.* А.В. Адо, профессор Московского университета // ФЕ 2002. М., 2002. С. 165.

⁴¹ Перспектив коллективного труда «Великая французская буржуазная революция XVIII века» в трех томах. М., 1962. С. 1-4, 12, 21, 27, 37, 56-57.

уже не собственно истории Французской революции, а всемирной истории. В итоге проект был похоронен...»⁴².

Вероятно, с крушением этого замысла связан и последовавший в 1966 г. уход Поршнева из сектора Новой истории западноевропейских стран, руководителем которого стал Манфред. Поршнева же возглавил специально созданную для него группу по истории социалистических идей, в 1968 г. преобразованную в сектор Истории развития общественной мысли. Нет никаких сведений о сопротивлении Поршнева такому решению и это объяснимо: надежды на появление единомышленников по синхроническому изучению человеческой истории рухнули, а для шедших параллельно поршневских исследований ее «начала», приближавшихся в то время к важному рубежу, новый сектор был явно меньшей помехой, чем прежний. Не случайно всю организационную работу в секторе Истории развития общественной мысли с самого начала его образования Поршнева передал своему заместителю и ученику Г.С. Кучеренко⁴³.

2. Движение истории

До сих пор речь шла о единстве всемирной истории преимущественно в синхроническом отношении. Но уже любая попытка сформулировать «теорию исторического процесса» неизбежно выдвигает диахронический характер этого единства на передний план. С другой стороны, обоснование единства истории в синхроническом отношении делает сомнительным и привычное изложение диахронии в рамках «истории одной страны» — во всяком случае, за длительный период: диахроническая логика исторического процесса безоговорочно применима лишь к синхронически единому человечеству в масштабе всей эйкумены.

Основные черты поршневской теории исторического процесса были изложены во второй половине 60-х годов в нескольких опубликованных докладах⁴⁴. Сформулированная в них теория все же была

⁴² Бовыкин Д.Ю. Указ. соч. С. 165. Возможно, отчасти этими разногласиями был вызван и упоминаемый С.В. Оболенской конфликт Б.Ф. с А.З. Манфредом, В.М. Далиным и Э.А. Желубовской (см.: *Оболенская С.В.* Первая попытка истории «Французского ежегодника» // ФЕ 2002. С. 69).

⁴³ См.: *Гладышев А.В.* Г.С. Кучеренко: штрихи биографии // ФЕ 2002. С. 190.

⁴⁴ *Поршнева Б.Ф.* Один из представителей американской школы социологии международных отношений – Раймон Арон // От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки. М., 1967; *Он же.* Мыслима ли история одной страны?: *Он же.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса // *Философские науки.* М., 1969. № 2; *Он же.* Роль социальных революций в смене

обратным возвращением в историческую науку, хотя и таким возвращением, которое не вполне укладывалось в ее традиционные каноны. Напротив, первые шаги в теоретических обобщениях вели Поршнева в противоположную сторону – от исторической науки как таковой к исследованиям в области политической экономии сменяющих друг друга общественных формаций, исследованиям механизмов и закономерностей их развития и смены, т.е. к теории классовой борьбы. Еще в самом начале 1930-х годов в рамках развернувшейся тогда дискуссии о политической экономии докапиталистических обществ Поршневым было подготовлено уже упомянутое выше теоретическое исследование на стыке двух наук – политической экономии и истории: о роли торгового капитала в мировой докапиталистической истории. Занимался он тогда и анализом первобытного общества: сохранились рукописные тезисы соответствующего доклада⁴⁵. Судя по архивным материалам, много времени уделял Б.Ф. и теоретическим проблемам феодализма⁴⁶. Единственной публикацией, отразившей политико-экономические изыскания, стала рецензия на книгу В.В. Рейхардта «Очерки по экономике докапиталистических формаций» (М., Л., 1934)⁴⁷.

Поршнев хорошо знал шедшие с 20-х годов политэкономические дискуссии и начал писать по проблемам политической экономии и теории общественных формаций едва ли не раньше, чем непосредственно обратился к истории Франции XVII в. Однако он, похоже, сознательно не спешил с публикацией этих своих теоретических работ. В такой осторожности, можно предположить, проявилось его убеждение в том, что без тщательного освоения конкретного эмпирического материала сформулированные предварительно теоретические конструкции должны оставаться не более, чем рабочими гипотезами, помогающими понять и систематизировать исторические факты. Такие предварительные гипотезы в силу своей недостаточной зрелости и обоснованности еще не пригодны для обращения на интеллектуальном рынке в качестве самостоятельного научного продукта.

формаций // Проблемы социально-экономических формаций: историко-типологические исследования. М., 1975. Первые два доклада вошли затем в книгу «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.».

⁴⁵ Поршнев Б.Ф. Противоречия доклассового общества (тезисы доклада). Рукопись (автограф). – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 19. Ед. хр. 4. Л. 100-101.

⁴⁶ В частности, сохранился конспект доклада о феодальной денежной ренте, о необходимом и прибавочном продукте при феодализме, о феодальном государстве и др. См.: Там же. Л. 98-118, 148-151 и др.

⁴⁷ Поршнев Б.Ф. Рецидив абстрактного социологизирования // Книга и пролетарская революция. М., 1935, №3.

Только в конце 40-х годов он, уже опираясь на собственный опыт исторических исследований, находит возможным довести свои теоретические обобщения до открытой публикации. Важно отметить, что исследования Поршнева по политической экономии предшествуют его трудам по «теории классовой борьбы», хотя в печать он отправляет свои работы по двум этим темам в обратной последовательности.

Наиболее пристальное внимание Поршневу уделял феодализму – «срединной формации». Теоретическому анализу роли народных масс в жизни феодального общества были посвящены семь подготовленных им во второй половине 40-х годов статей, четыре из которых были опубликованы в «Известиях АН СССР»⁴⁸. В них Поршневу впервые сформулировал важнейшие положения своей теории классовой борьбы – теории, придававшей идее диахронического единства истории фактическое обоснование: «Оскар Уайльд бросил парадокс: “Непокорность, с точки зрения всякого, кто знает историю, есть основная добродетель человека. Благодаря непокорности стал возможен прогресс, – благодаря непокорности и мятежу”. В этом афоризме сквозит истина, по крайней мере, для всякого, кто действительно знает историю. А ее знал уже Гегель и поэтому тоже говорил, что движение истории осуществляет ее “дурная сторона”, “порочное начало” – неповиновение»⁴⁹.

Названные семь статей должны были составить книгу «Роль Борьбы народных масс в истории феодального общества», которую он собирался опубликовать в начале 50-х годов. Однако уже те его статьи, что успели выйти в свет, стали поводом для масштабной кампании по осуждению ошибочных взглядов ученого, начавшейся чуть ли не одновременно с присвоением ему Сталинской премии и закончившейся только со смертью Сталина⁵⁰. Среди прочего он обвинялся в следовании

⁴⁸ Поршневу Б.Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1948. Т. 5., № 6; *Он же*. История Средних веков и указание товарища Сталина об основной черте феодализма // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 6, № 6; *Он же*. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1950. Т. 7, № 3; *Он же*. Сущность феодального государства // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1950. Т. 7. № 5.

⁴⁹ Поршневу Б.Ф. Контрстуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 18; ср.: Поршневу Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 122.

⁵⁰ Подробнее см.: Вуме О.Т. «Я – счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б.Ф. Поршневу // Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2005.

ошибочным и идеологически вредным взглядам «школы Покровского», разоблаченным еще в 1934 г., и не менее ошибочным и вредным взглядам Марра, разоблачение которых было в самом разгаре.

Если отвлечься от политического значения этих обвинений, связь взглядов Поршнева с творчеством названных ученых несомненна. В книге «О начале человеческой истории» Поршнев не раз будет обращаться «к могучим, хоть и недостаточно строгим, прозрениям Маарра»⁵¹. К 100-летию со дня рождения Н.Я. Марра (1964) Поршнев написал небольшую статью об этом выдающемся «палеонтологе от языкознания», которая, впрочем, не была опубликована⁵². Что касается М.Н. Покровского, то критические высказывания Поршнева в его адрес, встречавшиеся уже в ранних рукописях, касаются двух аспектов: общего пренебрежения «школы Покровского» к фактам в угоду априорным схемам и, специально, концепции «торгового капитализма». Напротив, другой идее Покровского Поршнев не мог не симпатизировать: в докладе «Роль революций в смене формаций» он открыто допускает возможность полноценного изложения всемирной истории по схеме, лежавшей в основе преподавания до 1934-1935 гг. (т.е. по Покровскому, до разгрома его «школы») – «всемирная история выглядела бы как восходящая кривая великих революционных конфликтов»⁵³.

Парадоксальность событий 1950-1953 гг. состояла в том, что доказательством преступного отхода Поршнева от марксизма, объявлялось... преувеличение им роли классовой борьбы в жизни феодального общества! Позже, в работе «Генезис социальной революции», написанной в 60-е годы в качестве главы для так и не опубликованной монографии «Докапиталистические способы производства», Поршнев писал об аналогичном парадоксе, применительно к истории античности:

«Советские историки решительно отказались принять формулу И.В. Сталина “Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации”. Любопытно, что эта формула встретила оппозицию специалистов еще при жизни Сталина, в разгар культа его личности. Это неожиданное мужество питалось разными источниками. Одни видели в этой формуле чисто фактическую неосведомленность. Никакой одноактной революции в

⁵¹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 433.

⁵² Поршнев Б.Ф. История, психология, лингвистика. Рукопись (машинка). – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 18. Ед. хр. 12.

⁵³ Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций. С. 35.

конце классической античности не было, не было и изолированного от других слоев трудящихся чистого движения рабов. Однако этот мотив выглядит академическим прикрытием, ибо ведь Сталину прощались не менее схематичные упрощения истории. В большей степени непочтительный ропот специалистов вызвала сама мысль о революции, представшая в их глазах как грубое преувеличение роли классовой борьбы в Римской империи. Это было покушением на неприкосновенные методологические традиции части историков-античников... Словом, борьба с формулой Сталина послужила предлогом или поводом для исключения идеи социальной революции на пороге древней и средневековой истории»⁵⁴.

Эту оценку фактически подтверждает в своих воспоминаниях Е.В. Гутнова, принадлежавшая в 1950-1953 гг. к лагерю противников Поршнева: «...историкам было очень трудно выступать против трактовок Поршнева. Тем не менее наши медиевисты отважились на это, поскольку согласиться с этой концепцией означало, по сути дела, вообще отказаться от серьезных научных исследований, вернуться от изучения общегражданской истории к изучению истории классовой борьбы [намек на “школу Покровского” – *О.В.*], как это уже практиковалось в двадцатые года»⁵⁵.

Сразу после окончания кампании осуждения ошибок Поршнева, он ввязывается в дебаты о феодальной экономике, опубликовав статью «К вопросу об основном экономическом законе феодализма»⁵⁶. Позднее, в конце 60-х годов, Б.Ф. даст резко негативную оценку этой дискуссии: «Историки сплошь и рядом не подозревают, насколько отличаются фундамент и метод науки политической экономии... от способа работы и мышления в исторической науке. Если по отношению к капитализму они связаны почтением к “Капиталу” Маркса, хоть и знают его, в лучшем случае, в изложении Каутского⁵⁷ ..., то в отношении докапиталистических способов производства они резко предаются кустарничеству, уверенные, что это их дело, что их-то тут и не хватало. Примером может послужить комическая “дискуссия” об основном экономическом законе феодализма...: ни редакция, ни авторы “не

⁵⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 18. Ед. хр. 21. Л. 43 – 44.

⁵⁵ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 266-267.

⁵⁶ Поршнев Б.Ф. К вопросу об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. М., 1953, №6.

⁵⁷ Речь идет о популярной в свое время книге К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», впервые опубликованной в 1886 г. и многократно издававшейся в русском переводе (последний раз в 1956 г.)

ведали, что творят”, нагромоздив гору импровизаций в науке, чуждой им как доколумбова Америка – европейцам»⁵⁸.

Наибольшую известность из поршневых исследований в этой области получила книга «Очерк политической экономии феодализма»⁵⁹.

Поршнев довольно редко распространял свои изыскания по теории исторического процесса на эпоху капитализма. В большинстве случаев он принимал анализ Маркса, а в случае несогласия хорошо понимал, насколько опасно покушаться на авторитет «классиков». И все же иногда Поршнев позволял себе, предельно осторожно и тактично, «уточнять» Маркса. В статье «Вопросы классовой борьбы в “Капитале” Маркса»⁶⁰ Поршнев убедительно показал, что Маркс не вполне осознал роль классовой борьбы в эволюции капитализма, хотя и изложил в «Капитале» весь необходимый для такого осознания материал.

В 1964 г. Поршневу, наконец, удалось опубликовать монографию «Феодализм и народный массы»⁶¹, задуманную им еще в конце 40-х годов. Однако от первоначального плана эта книга, куда в переработанном виде вошло все написанное автором о феодализме в 1948-1950 гг., отличалась тремя важными особенностями, связанными с уроками кампании 1950-1953 гг. Тогда главным теоретическим пунктом «товарищеской критики» было обвинение в том, что своей теорией классовой борьбы историк Поршнев лишает экономический базис определяющей роли в развитии общества, то есть покушается на материалистическое понимание истории. С другой стороны, сложившееся в советской политической экономии понимание экономического базиса отводило классовой борьбе роль необязательного доведка: развитие «производительных сил» само по себе обеспечивает общественный прогресс и лишь зловредность отдельных лиц или групп провоцирует обиженных на «классовую борьбу». Этот замкнутый круг и попытался разорвать Поршнев. Во-первых, в книгу вошел уже опубликованный «Очерк политической экономии феодализма» и, таким образом, на примере феодализма под классовую борьбу подводился экономический фундамент. Во-вторых, в одну из глав была включена упомянутая статья, «уточняющая» Маркса, как раздел «Учения о классовой борьбе и политическая экономия». И в-третьих, Поршнев поместил в книгу приложение

⁵⁸ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 19. Ед. хр. 1. Л. 5.

⁵⁹ Поршнев Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.

⁶⁰ Поршнев Б.Ф. Вопросы классовой борьбы в «Капитале» Маркса // Из истории рабочего класса и революционного движения. Сборник статей памяти академика Панкратовой А.Н. М., 1958.

⁶¹ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

«Проблема феодального синтеза», где в кратком и обобщенном виде раскрыл свое понимание некоторых важнейших особенностей рабовладельческой формации и, вытекающих отсюда особенностей перехода от нее к феодализму. В марте 1966 г. монография была защищена как докторская диссертация по философии.

В 50-е – 60-е годы Поршневым было подготовлено несколько статей и о других формациях: о специфике рабовладельческой формации и о так называемом «азиатском способе производства», но они так и не были опубликованы. В 1967 г. Поршневу – в соавторстве с З. Удальцовой, его союзником в дискуссии 1950-1953 гг., и Г. Стратановичем — подготовил статью «Бесспорное и спорное в учениях о формациях»⁶², в которой была сделана попытка подвести итог дискуссиям о рабовладельческом и азиатском способах производства.

Поршневу решительно протестовал против применения понятия «азиатский способ производства» в рамках марксистской теории формаций. Строго говоря, он доказывал три тезиса: (1) приписывание Марксу представления об особом – азиатском – способе производства основано на недоразумении, на игнорирование исторически сложившегося европейского дискурса, в рамках которого Маркс пользовался термином «азиатский»; (2) добавление азиатского способа производства в марксистскую концепцию общественных формаций полностью ее разрушает; (3) для преодоления противоречий между сложившейся Теорией и накопленным массивом новых фактов возможна такая модификация первой, которая ее не разрушит. Не трудно догадаться, что абсолютному большинству историков все эти вопросы были решительно безразличны; но они были крайне встревожены другим: Поршневу фактически выбивал из их рук очень важный для советского ученого-обществоведа «аргумент», необходимый для легитимации собственных теоретических построений – ссылку на «классиков». О том же, собственно, пишут и Кондратьевы, объясняя негативное отношение к поршневым обобщениям со стороны коллег-историков: они «не желали принимать его слишком последовательный... монизм. Историки, думается, все-таки хотели бы права на разнообразие исследовательских сюжетов, если уж подходу суждено было оставаться одному – Марксистскому»⁶³. Другими словами, советские историки вовсе не хотели сохранения за марксизмом строгости и определенности особой научной школы, раз уж для других научных школ места под солнцем не было.

⁶² Поршневу Б., Удальцова З., Стратанович Г. Бесспорное и спорное в учениях о формациях. См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 18. Ед. хр. 17.

⁶³ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Указ. соч. С. 203.

Итогом исследований по данной тематике стала упоминавшаяся монография «Докапиталистические способы производства (основные экономические и социологические категории)», работу над которой Б.Ф. начал не позднее середины 60-х годов. В этом оставшемся неопубликованным труде он суммировал все важнейшие элементы своей теории исторического процесса – политическую экономию последовательно сменяющих друг друга формаций, теорию классовой борьбы и социальной революции. В проспекте работы автор писал: «Книга излагает не экономическую историю, а теоретическую экономию докапиталистических способов производства, однако тематика политической экономии в ней очень тесно переплетается со многими коренными вопросами теории исторического материализма, в первую очередь – теории формаций. Она отличается от того, что обычно пишут о докапиталистических обществах в учебниках по политэкономии и истмату, ибо автор – историк и поэтому достаточно знает относящийся к делу предмет»⁶⁴.

Борьбу народных масс Поршнев исследовал и под углом зрения «роли личности в истории» – через отражение «дыхания народа» определенной исторической эпохи в интеллектуальной и общественной деятельности выдающихся исторических фигур. Самым первым таким опытом было большое предисловие к «Литературным воспоминаниям» П.П. Перцова⁶⁵, участника идейно-политической борьбы в России конца XIX в. Почувствовав вкус к такого рода исследованиям, Поршнев взялся за более масштабную фигуру. Сохранились выписки и наброски Б.Ф. об А.С. Пушкине, его отношении к революции, к народным движениям, к европейским событиям конца XVIII – начала XIX веков⁶⁶. Очерк готовился к 100-летию смерти Пушкина (1937), но не был завершен.

К этому же кругу исследований надо отнести и две большие работы – «Эпоха Коперника»⁶⁷ и упомянутая выше «Кальвин и кальвинизм». Любопытно, что вторая была официально рекомендована Учебным комитетом Русской православной церкви для учащихся IV курса Московской духовной семинарии по программе «Сравнительное богословие».

В начале 60-х годов Поршнев подготовил статью о Иисусе Назаряине, его соратниках и его времени, о собирании разрозненных хри-

⁶⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 19. Ед. хр. 1. Л. 1.

⁶⁵ Поршнев Б.Ф. [Предисловие] // Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890 – 1902 гг. М. – Л., 1933.

⁶⁶ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 27. Ед. хр. 12, 13.

⁶⁷ Поршнев Б.Ф. Эпоха Коперника // Николай Коперник. Сб. статей и материалов. М., 1955.

стианских сект в единую церковь после поражения иудейского восстания Бар-Кохбы (132-135 гг.)⁶⁸. Она должна была выйти в журнале «Наука и религия» в 1964 г., но так и не была опубликована. По воспоминаниям Тираспольской⁶⁹, в 1971 или в 1972 г. Поршневу сообщил ей о том, что подал в издательство «Молодая гвардия» заявку на книгу об Иисусе Христе – для серии «Жизнь замечательных людей». По всей видимости, он собирался доработать и расширить указанную статью.

Продолжая традицию своего учителя В.П. Волгина, Поршневу занимался исследованиями жизни и общественной деятельности великих «утопистов». В сентябре 1955 г. на X Международном конгрессе историков в Риме он сделал доклад о Жане Мелье⁷⁰. В 1964 г. он опубликовал книгу об этом знаменитом «священнике, отрекшемся от веры»⁷¹. Следует отметить и статью «Мелье, Морелли, Дешан», вышедшую одновременно на русском и французском языке. В ней Поршневу выдвинул гипотезу о том, что за именами «Морелли» и «Дешан» фактически скрывался один человек⁷².

3. Начало истории

Как сказано выше, Поршневу еще до поступления в университет задумал «написать обо всей истории целиком». Осмысление целостности, единства мировой истории неумолимо требовало анализа ключевой проблемы: как человеческая история началась? Иными словами, каким образом выход человека из животного мира запустил процесс исторического развития человечества.

Во «Вступлении» к вышедшей посмертно книге «О начале человеческой истории», где Поршневу подвел итоги своих многолетних исследований данной темы, он так определил ее место: «Эта книга является извлечением из более обширного сочинения, задуманного и подготавливаемого мною с середины 20-х годов. Мысленно я именовал его “Критика человеческой истории”. Настоящая книга принадлежит к средней части указанного сочинения. Первая его часть путем “палеонтологического” анализа проблем истории, философии и социоло-

⁶⁸ Поршневу Б.Ф. Некоторые вопросы возникновения христианства (вопросы датировки и исторических условий возникновения новозаветной литературы). Рукопись (машинка). – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 27. Ед. хр. 4.

⁶⁹ Устное сообщение г-жи Тираспольской автору очерка (январь 2005 г.).

⁷⁰ Поршневу Б.Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955.

⁷¹ Поршневу Б.Ф. Мелье. М., 1964.

⁷² См. Поршневу Б.Ф. Мелье, Морелли, Дешан // Век просвещения. М., 1970.

гии должна привести к выводу, что дальнейший уровень всей совокупности наук о людях будет зависеть от существенного сдвига в познании начала человеческой истории... Последняя часть – восходящий просмотр развития человечества под углом зрения предлагаемого понимания начала»⁷³.

В научно-популярной повести «Борьба за троглодитов» (1968) Поршнев объясняет, как его выбор профессии историка был связан с этим замыслом: «К окончанию университета созрело верное решение: психология – смык биологических и социальных наук, и, как ни сложны биологические, социальные еще много труднее, кто не понял их – немощен. А история – слиток всех социальных наук. Долгим трудом я достиг признанного мастерства историка: центр – история XVII века, широкий концентр – исторические судьбы “срединной формации”, феодализма, еще более широкий – сам феномен человеческой истории от ее инициации до сегодня. Все это – закалка, прежде чем вернуться в психологию»⁷⁴.

С этой точки зрения весь очерченный выше поток исторических исследований был для Поршнева, прежде всего, «закалкой», подготовкой к тому, чтобы приступить к исследованию центральной и самой трудной проблемы человеческой истории – проблемы ее «начала».

Признаки зарождения собственной концепции происхождения человека можно обнаружить уже в некоторых сохранившихся неопубликованных рукописях Б.Ф. начала 30-х годов, в частности, в упомянутых выше исследовании торгового капитала и тезисах доклада «Противоречия доклассового общества». Эти работы показывают, что все ключевые черты «первобытности», чуждые одновременно и инстинктивному поведению животного, и сознательному поведению цивилизованного человека, Поршневу уже ясны. Именно тогда был взят на вооружение методологический принцип «двух инверсий», много позже сформулированный им так: «Последовательный историзм ведет к выводу, что в начале истории все в человеческой натуре было наоборот, чем сейчас: ход истории представлял собой перевертывание исходного состояния. А этому последнему предшествовала и к нему привела другая инверсия: “перевертывание” животной природы в такую, с какой люди начали историю»⁷⁵.

Впрочем, сделать результаты своих исследований в этой области достоянием научной общественности Б.Ф. счел возможным лишь через

⁷³ См. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. 1974. С. 13.

⁷⁴ Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 7. С. 124.

⁷⁵ См. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. 1974. С. 17.

много лет. В июне 1956 г. он сделал в Институте антропологии МГУ доклад «Некоторые проблемы предыстории второй сигнальной системы». Судя по стенограмме, Поршневу выступал перед специалистами по антропогенезу не в первый раз: «Борис Федорович во всех своих докладах высказывает целый ряд весьма смелых гипотез» (Н.Н. Ладыгина-Котс)⁷⁶; «Мне приходилось несколько раз высказываться по поводу очень интересных и частных, и общих исследований Бориса Федоровича» (Я.Я. Рогинский)⁷⁷. Но этот доклад, вне всякого сомнения, был первым представлением поршневской концепции антропогенеза в целом, которое автор после обсуждения счел необходимым издать и подготовил к печати (доклад так и не был опубликован).

В этом тексте Поршневу намечены практически все важнейшие моменты своей концепции антропогенеза, опирающейся на достижения физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Уже здесь проявилась принципиальная особенность его подхода к загадке начала истории: если большинство исследователей анализировали переход от животного к человеку в модели «особь – среда», то Поршневу в центр такого анализа поставил модель «особь – особь»: «Порочность всех... попыток вывести специфически человеческую психику из анализа каменных орудий и процесса их изготовления состоит в том, что человек берется лишь в его отношении к вещи... Прогресс технического отношения индивида к предмету, например, к кремню, сам по себе решительно ничего не может объяснить в возникновении специфически человеческого мышления, ибо генезис этого нового качества лежит в отношении людей к людям, а не к вещам»⁷⁸.

Поршневу выявляет и исследует особый механизм воздействия особей друг на друга, предпосылки которого заложены в физиологии животных (бидоминантная модель физиологии высшей нервной деятельности, основанная на синтезе теорий И.П. Павлова и А.А. Ухтомского), реконструирует условия, вызвавшие формирование этого механизма (названного Поршневым «интердикция») у ближайших предков человека, а также его развитие вплоть до порождения им рече-

⁷⁶ Стенограмма обсуждения доклада Б.Ф. Поршнева «Некоторые проблемы предыстории второй сигнальной системы». Ч. 1. Л. 6. Рукопись (машинка). – Личный архив А.И. Бурцевой. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность г-же Бурцевой за возможность изучения материалов ее личного архива.

⁷⁷ Там же. Ч. 2. Л. 32.

⁷⁸ *Поршневу Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). С. 28. Рукопись (машинка). – Там же. Эта подготовленная к печати рукопись имела иное название, чем сам доклад

вой коммуникации, человеческой психики, социальности (общественных институтов), способности людей к творчеству, человеческого логического мышления. Во многих своих работах Поршнев подчеркивал, что модель «особь – среда» основана как раз на игнорировании фундаментального значения человеческой речевой коммуникации⁷⁹. В 1972 г., в проспекте задуманной Б.Ф. книги «Люди», он еще резче и образнее определил связь каждого отдельного человека со всем человечеством: «Как мозг сформирован из миллиардов клеток, так сознание – из миллиардов мозгов... Как нейроны мозга связаны синапсами, так мозги – речевой коммуникацией (второй сигнальной системой)»⁸⁰.

В отличие от упомянутого доклада, большая часть других работ 50-х годов была посвящена «научно-деструктивной задаче – критически рассмотреть и устранить одно за другим возможные возражения против того, чтобы видеть в питекантропоидах⁸¹ животных. Таковы вопросы об орудиях и труде, об охоте и огне, об отношении мысли к действиям»⁸².

Но подвергать «деструкции» вопрос о труде и мышлении означало вторгаться не только в область антропогенеза, но и в область интерпретации «классиков», что требовало особенно большого такта и осторожности. Ведь автором канонического этюда «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» был не кто иной, как Ф. Энгельс. Поршнев увидел у Энгельса явную ошибку, а именно, смешение труда, который предшествовал появлению человека, с трудом, который присущ исключительно человеку и возник вместе с появлением человека. Такая ошибка лишала формулу «труд создал человека» всякого смысла. Позднее он напишет: «Давно уже отмечалось, что если понимать Энгельса формально логически, то и получается формально-логическая ошибка: то, что подлежит объяснению, берется как посылка; труд отличает людей от животных потому, что у одного из видов животных

⁷⁹ Поршнев Б.Ф. От высших животных к человеку. С. 53-54. Рукопись (машинка). – Там же; *Он же*. Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной Деятельности и психологии // Вопросы психологии. М., 1968. № 5. С. 17; *Он же*. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. С. 101-102.

⁸⁰ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 26. Ед. хр. 6. Л. 1.

⁸¹ В данном случае термин «питекантропоиды» охватывает все прямоходящие виды, предшествовавшие *Homo sapiens*. Позже, постепенно уточняя свою терминологию, Поршнев для совокупности этих видов преимущественно стал использовать линневский термин «троглодитиды» – *Troglodytidae* (или *Pithecanthropidae*). – См.: Поршнев Б.Ф. Троглодитиды и гоминиды в систематике и эволюции высших приматов // Доклады АН СССР. М., 1969. Т. 188. № 1. С. 239. См. также: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 103-104.

⁸² См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 23. Ед. хр. 3. Л. 57.

появился труд»⁸³. Но чтобы публично взяться за ревизию концепции Энгельса, нужен был подходящий повод. И такой повод нашелся.

В 1952 г. в Берне вышел первый том десятитомного издания «*Historia Mundi*», посвященный происхождению человека. Среди авторов было много представителей духовенства, являвшихся одновременно и крупными учеными, как например, аббат А. Брейль, известный французский археолог-палеолитчик и специалист по истории первобытного искусства. Поршневу, еще с 30-х годов участвовавший в подготовке советской «Всемирной истории», а теперь входивший в ее редколлегия, не мог не увидеть открывшейся возможности привлечь сторонников к своей концепции антропогенеза, сыграв на противопоставлении идеологий двух этих изданий, двух подходов к всемирной истории.

В 1955 г., за год до выхода первого тома советской «Всемирной истории», появились две статьи Поршнева – в журналах «Вопросы философии» и «Коммунист». Первая была посвящена советским публикациям по антропогенезу, а заодно сравнению их с первым томом «*Historia Mundi*». Вторая – была непосредственно рецензией на первые два тома бернского издания, подписанной, кроме Поршнева, антропологом М.Г. Левиным и востоковедом В.В. Струве. Часть, посвященная антропогенезу, была составлена, судя по имеющимся архивным материалам⁸⁴, почти исключительно Поршневым; часть по древней истории – Струве. Левин, видимо, в качестве специалиста-антрополога редактировал и, отчасти, брал на себя ответственность за написанное историком Поршневым. Названия статей в процессе их подготовки менялись и то, как они менялись, позволяет утверждать, что статьи готовились одним «пакетом»: первая сменила первоначальное название «Против идеализма и вульгарного материализма в вопросах становления человека» на журнальное «Материализм и идеализм в вопросах становления человека»; вторая – «Реакционное искажение истории» на «Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества».

В двух этих статьях Поршневу фактически попытка неразрывно соединить общепринятую концепцию Энгельса с открытым и сознательным идеализмом авторов «*Historia Mundi*», ставя читателя перед, казалось бы, безвыходной альтернативой: либо открыто присоединиться к антропологам-идеалистам, либо отказываться от ложных, но привычных взглядов и... присоединиться к Поршневу.

⁸³ Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. С. 87.

⁸⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 16. Ед. хр. 1.

* * *

В конце 50-х – начале 60-х годов спектр научных направлений, мобилизованных на решение загадки начала человеческой истории, был расширен за счет «незапланированного» привлечения двух новых и относительно самостоятельных областей знаний – исследований, связанных с реликтовым палеоантропом (троглодитом, «снежным человеком»), и социальной психологии.

Вплоть до 1957 г. Поршнева снежный человек совершенно не интересовал, хотя информация об этом загадочном существе время от времени появлялась в печати. Позже Б.Ф. писал, что впервые он обратил внимание на эту информацию «в тот памятный час, когда проскочила искорка сопоставления... между одной деталью информации о снежном человеке и одной деталью моих прошлых исследований об отношениях доисторических людей с природной средой»⁸⁵.

В 1955 г. Поршнев закончил исследование об источниках питания ископаемых палеоантропов, некогда обитавших на обнаруженной советскими археологами пещерной стоянке Тешик-Таш в Узбекистане. В пещере сохранилось огромное количество костей горного козла – киика. Согласно Поршневу, тешик-ташский палеоантроп не охотился на них, а лишь подбирал за барсом ту часть убитых им кииков, которую тот не съедал. Но так или иначе мясо киика составляло значительную долю рациона обитателя пещеры Тешик-таш. Именно киик привлек внимание Поршнева к снежному человеку:

«Гидролог А.Г. Пронин в конце 1957 года сообщил в прессе, что он видел издали снежного человека на Памире, в долине Баянд-Киик. Это название значит “долина тысячи кииков”... Тешик-ташцы жили в долине, кишевшей кииками. Пусть в памирской “долине тысячи кииков” сейчас их почти не осталось... Не забрело ли сюда мохнатое двуногое существо по зову предков или по темным следам собственных? ...Никакой научной силы такая ассоциативная вспышка не имеет. Но внутри меня она подожгла давно копившееся сомнение: вымерли ли быстро неандертальцы или длительно деградировали со времени появления на Земле вида “человек разумный”? А что если... С этого времени я стал заниматься снежным человеком»⁸⁶.

Благодаря «проскочившей искорке сопоставления» Поршнев увидел за совершенно случайным и неудачным названием «снежный чело-

⁸⁵ Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 4. С. 100.

⁸⁶ Там же. С. 101.

век» реальный зоологический феномен – доживших до настоящего времени реликтовых палеоантропов, неандертальцев⁸⁷. «Кое-кто, – писал он, – занимается снежным человеком, ибо уж больно интересно: что это там такое? Я же занимаюсь им только ради вопроса: что такое человек? Живые троглодиты (благодаря отождествлению их с неандертальцами) – важный плацдарм для прогресса науки о человеке»⁸⁸.

Находка снежного человека обещала гигантский научный прорыв: предков людей, казалось бы вымерших десятки, если не сотни тысяч лет назад, можно будет теперь изучать не по редким костным остаткам, а «живьем», так же, как уже давно изучают обезьян. А значит, возможны были бы и прямые экспериментальные исследования, которые, считал Поршнев, наверняка подтвердят его концепцию антропогенеза.

Осознав потенциал наметившегося научного прорыва, Поршнев попытался поставить исследования живых троглодитов на прочный организационный, «институциональный» фундамент. В 1958 г. благодаря его неукротимой энергии была создана «Комиссия по изучению вопроса о снежном человеке» при Президиуме АН СССР, просуществовавшая, правда, лишь один год. Начался сбор данных, была организована экспедиция на Памир. Но уже ее подготовка и проведение показала всю призрачность надежд Поршнева на успех, казалось бы, состоявшейся «академической институционализации»⁸⁹.

Сразу после роспуска Комиссии Поршнев взялся за обработку, систематизацию и анализ огромного массива ранее собранных данных о троглодитах. «Плод нескольких лет невероятного напряжения, – писал он, – толстенная рукопись продиктована, завершена: “Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах”. В ней тридцать четыре авторских листа – тесный свод всего узнанного и понятого на 1960 год, а вторым приступом – к исходу 1962 года. Это – черта под целым этапом работы»⁹⁰. Однако попытка автора издать эту монографию встретила со стороны зоологов, антропологов и археологов столь ожесточенное сопротивление, что ни одно издательство не решилось опубликовать книгу. В 1963 г. ее рукопись была депонирована во Всесоюзном институте научной и технической информации; тогда же удалось напечатать и небольшой тираж – 180 экз.⁹¹

⁸⁷ Как правило, Поршнев употребляет термины «палеоантроп» и «неандерталец» как синонимы, иногда поясняя: «неандертальцы в широком смысле или палеоантропы».

⁸⁸ Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 7. С. 125.

⁸⁹ История возникновения и крушения этих «институциональных» надежд описана в научно-популярной повести «Борьба за троглодитов». – Там же. № 5. С. 79-83.

⁹⁰ Там же. С. 88.

⁹¹ Поршнев Б.Ф. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 1963.

Увлечение снежным человеком превратило трещину в отношениях между Поршневым и академической средой специалистов по антропогенезу в пропасть. Институт Антропологии МГУ оказался навсегда закрыт для поршневых докладов. Попытка выдвинуться в члены-корреспонденты АН СССР окончилась неудачей. Российский психолог В.С. Мухина вспоминает о диалоге между Б.Ф. Поршневым и Н.Н. Ладьиной-Котс, которому она была свидетелем в доме последней в 1959 или 1960 г.:

«Б.Ф.: Надежда Николаевна! Мне предлагают подать документы в Академию наук.

Н.Н.: Прекрасно! Поздравляю!

Б.Ф.: Но они мне поставили одно условие...

Н.Н.: ?

Б.Ф.: Я должен перестать... перестать гоняться за снежным человеком.

Н.Н.: Ну, а вы?

Б.Ф.: Конечно, не перестану!

Н.Н.: Вот и хорошо»⁹².

Хотя находка реликтового палеоантропа (живого троглодита) открывала бы бесценные возможности для прямых экспериментальных исследований, с теоретической точки зрения было не так уж важно, сохранилось ли это существо до конца XX в. или исчезло, скажем, в первые века нашей эры. Куда важнее было опровергнуть представления о том, что сосуществование *Homo sapiens* с его ближайшим предком было крайне непродолжительным (считалось, не более 3 тыс. лет), а значит, не могло оставить никаких следов в культуре человека. Поняв, что идея поисков живого троглодита не находит поддержки в академической науке, Поршнев подошел к проблеме с другого конца: он стал искать признаки сосуществования *Homo troglodytes* и *Homo sapiens* в древнейших проявлениях человеческой культуры – в мифах, преданиях, верованиях, культах, т.е. в историческое, но достаточно отдаленное от наших дней время. Такой маневр давал ему дополнительное преимущество: ведь теперь предстояло иметь дело со специалистами других наук – не с антропологами и палеонтологами, а с историками и этнографами.

Завоеванию нового плацдарма в исследовании троглодитов посвящены две статьи, написанные в форме рецензий⁹³. Эти работы при-

⁹² Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М., Воронеж, 1999. С. 6-7.

мечательны не только необычным форматом – изложением собственных взглядов в виде критики взглядов другого автора, но и тем, что являются яркими образцами междисциплинарных исследований. В первой из них Поршневу проанализировал собранный в рецензируемой книге материал с двух точек зрения: с точки зрения реального физического объекта (троглодита), отразившегося в образах божеств, в верованиях угнетенных классов, и с точки зрения отражения классового антагонизма данного общества в соперничестве различных систем верований. В последнем случае троглодит, правда, уже глубоко трансформированный во множество различных образов, оказывается орудием «теогонической борьбы классов»⁹⁴.

Почти полный разрыв Поршнева с отечественными антропологами был отчасти компенсирован признанием со стороны ряда зарубежных специалистов. Это признание Поршнева как крупнейшего «троглодито-веда» причудливо переплелось с другим признанием: в 1963 г. вышел французский перевод «Народных восстаний».

Спустя 20 лет французский историк Э. Ле Руа Ладюри так вспоминал о Б.Ф.: «Жил однажды на свете советский историк по имени Борис Поршневу. Два предмета постоянно вызывали у него огромный интерес: йети и антиналоговые бунты. Отвратительный снежный человек и Жак-простак»⁹⁵. Ле Руа Ладюри поразил тот факт, что один и тот же исследователь написал книги на столь далекие друг от друга темы, как троглодиты и классовая борьба. Через десять лет после знакомства с книгой Поршнева об «антиналоговых бунтах» Ле Руа Ладюри мог уже прочесть французский перевод «Борьбы за троглодитов», опубликованный в Париже бельгийским зоологом Б. Эвельмансом⁹⁶. Но все же это были две разные книги. Видел бы Ле Руа Ладюри статью-рецензию Поршнева «Книга о морали и религии», где обе темы органично соединены в одном тексте...

⁹³ Поршневу Б.Ф. Книга о морали и религии угнетенных классов Римской империи // Вестник древней истории. М., 1963, №1 (63) (рец. на кн.: Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. (Италия и Западные провинции). М., 1961); Поршневу Б.Ф. Поиски обобщений в области истории религии // ВИ. 1965. № 7 (рец. на кн.: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1964; Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964).

⁹⁴ Поршневу Б.Ф. Книга о морали и религии угнетенных классов Римской империи // Вестник древней истории. М., 1963. № 1 (63). С. 94.

⁹⁵ См.: *Le Roi Ladurie E.* Parmi les historiens. [Vol. 1]. P., 1983. P. 301.

⁹⁶ *Porchnev B.* La lutte pour les troglodytes // *Porchnev B., Heuvelmans B.* L'Homme de Néanderthal est toujours vivant. Paris, 1974.

* * *

Включение социальной психологии в круг научных направлений, мобилизованных на решение загадки начала истории, произошло столь же внезапно, как и в случае с троглодитом. В 1961 г. Поршнев принял попытку создать новую площадку для междисциплинарных и мультидисциплинарных обсуждений и исследований всего комплекса проблем начала истории, выступив с докладом «Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук». Именно в этом тексте впервые проявился интерес Поршнева к социальной и исторической психологии. Ученый привел целый ряд примеров зарубежных исследований в области исторической психологии, хотя социальную психологию упомянул лишь в контексте сложившегося в советской науке недоверия к подобного рода терминам⁹⁷. В мае 1962 г. вышла журнальная версия доклада. В нее Поршнев добавил абзац, которого нет в стенограмме: «Советским психологам, социологам и историкам необходимо совместно развернуть занятия социальной психологией. Здесь нужны исследования и по современности и по историческому прошлому; нужны исследования по психологии разных социальных слоев в различные эпохи... Такие частные проблемы социальной психологии впишутся, как своего рода экспериментальный материал, во всемирно-историческую шкалу, которая дает понимание от чего и к чему совершается совокупный процесс развития психики»⁹⁸.

В 1964 г., на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, Поршнев сделал доклад «Принципы социально-этнической психологии», где сформулировал центральное понятие своей социально-психологической парадигмы: «Субъективная психическая сторона всякой общности людей... конституируется путем двуединого психического явления: оно резюмируется выражением “мы и они”»⁹⁹. Неверным было бы считать, что до Поршнева никто из исследователей не описывал оппозиции «мы – они», «свои – чужие» и т.п. Но Поршнев был первым, кто увидел в ней универсальный принцип или всеобщий закон, который можно положить в основу социальной психологии, превратить ее тем самым из более или менее систематизированной сводки данных («коллекции примеров») в полноценную науку. Как же он увидел эту универсальность?

⁹⁷ Цит. по: *Поршнев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. № 5. С. 120.

⁹⁸ Там же. С. 129.

⁹⁹ *Поршнев Б.Ф.* Принципы социально-этнической психологии. М., 1964. С. 6.

Похоже, и здесь не обошлось без «искорки сопоставления». В огромной этнографической литературе, хорошо знакомой Поршневу с 20-х годов, время от времени констатировалась однотипная по самым различным исследованиям оппозиция «свои – чужие». Однако для решающего обобщения недоставало одного – понимания причины возникновения такой оппозиции, ее происхождения. После включения темы троглодита в круг научных интересов Б.Ф., те же этнографические данные стали обнаруживать перед взором ученого не только древнейшие отношения между группами людей, но и еще более древние отношения между людьми и окружавшими их троглодитами.

В 1964 г. Поршневу закончил работу над брошюрой «От высших животных – к человеку». В ней он прямо указал на то, как в процессе дивергенции палеоантропов и неантропов зародилась оппозиция «мы – они»:

«...здесь действовал не столько естественный отбор, сколько своего рода искусственный отбор – отталкивание одного варианта от другого, хотя бы и мало отличавшегося поначалу. А на этом фоне чем дальше, тем больше развертывался второй процесс. Он состоит в формировании определенных отношений родовых групп. Но в этих отношениях как бы воспроизводится и первый процесс: каждая группа относится и к ближней, и к другим, как в некоторой степени “не-людям”. Людями называют и считают только свою группу. По отношению к ближним звеньям это не столь сильно выражено, но чем более отдаленно звено цепи, тем отчетливее к нему относятся как к “не-людям”»¹⁰⁰.

Еще через два года вышла книга Поршнева «Социальная психология и история» – наиболее развернутое изложение основ его социально-психологической концепции. В ней он также писал о происхождении социальных отношений из отношений людей к окружавшим их троглодитам, но трактовал это как гипотезу¹⁰¹.

Очевидная концептуальная незавершенность книги требовала от Поршнева ускоренной работы по подготовке ее нового, переработанного издания. Весной 1969 г. он получил разрешение редколлегии серии научно-популярных изданий АН СССР на увеличение объема книги с 11 до 16 авторских листов¹⁰². Вначале он планировал лишь

¹⁰⁰ Поршнев Б.Ф. От высших животных к человеку. Рукопись. С. 70. – Хранится в частном архиве.

¹⁰¹ См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е. М., 1979. С. 83.

¹⁰² ОР РГБ. Ф. 684. Картон 26. Ед. хр. 3. Л. 14.

переработать имеющиеся главы и добавить еще одну – «Простейшее социально-психологическое явление и его осложнение в ходе истории». Текст этой главы был написан к весне 1969 г.¹⁰³, т.е. как раз к моменту получения разрешения на расширенное переиздание всей книги. Однако в таком виде сочинение так и не появилось, а написанная для него новая глава вышла отдельной статьей¹⁰⁴. Очевидно, Б.Ф. считал необходимой более глубоко переработку книги, и указанная статья фактически стала не столько дополнительной главой, сколько наброском нового варианта всей книги в целом.

В сентябре 1967 г. Поршнев выступил в Московском обществе психологов с докладом, на основе которого опубликовал в мае 1968 г. одноименную статью¹⁰⁵. В сентябре 1968 г. основные положения этой статьи – единственной из опубликованных работ Поршнева по проблемам начала человеческой истории, которую он сам назвал «обобщающей»¹⁰⁶ – Б.Ф. изложил на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио¹⁰⁷.

Ее содержание позволяет сделать вывод о произошедших в 1967-1968 гг. решающих сдвигах в физиолого-психологическом и социально-психологическом понимании Поршневым начала истории. Внутри процесса возникновения речи-мышления (он же процесс образования второй сигнальной системы) была открыта повелительная (суггестивная) ступень, которая теперь обрела свое законное эволюционное место, разделив весь процесс на две половины: (1) преобразование интердикции в суггестию, составляющее содержание первой инверсии и представленное в книге «О начале человеческой истории» – средней части задуманной в 20-е годы трилогии «Критика человеческой истории», и (2) преобразование суггестии в контрсуггестию (формирование механизмов сопротивления суггестии), составляющее содержание второй инверсии, а значит относящееся к последней части этой трилогии.

Хотя второе, дополненное и исправленное издание работы «Социальная психология и история» появилось в 1979 г., уже после смерти

¹⁰³ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 25. Ед. хр. 10. Л. 42-102.

¹⁰⁴ *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // *История и психология*. М., 1971.

¹⁰⁵ *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии // *Вопросы психологии*. М., 1968, №5.

¹⁰⁶ *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история С. 15 (прим.).

¹⁰⁷ *Porchnev B.F.* Les aspects anthropogénéthiques de la physiologie de l'activité nerveuse supérieure et de la psychologie // *Proceeding of VIIIth International Congress of Anthropology and Ethnology Science*. 1969, Tokyo and Kyoto. Vol. 1. Anthropology.

автора, туда не вошло ничего нового – ничего из того, что Поршнев внес в социальную психологию в 1967-1972 гг. Очевидно, переиздание лишь восстановило полный текст поршневецкой рукописи 1966 г. Объем же книги – менее 13 авторских листов – так и недотянул до разрешенных еще десятью годами ранее 16 листов...

* * *

После 1968 г. работа Поршнева в области антропогенеза свелась почти исключительно к подготовке монографии «О начале человеческой истории». Книга эта, как он понимал, могла оказаться единственной опубликованной частью задуманной им трилогии¹⁰⁸. Впервые Б.Ф. объявил о своей работе над этой монографией летом 1968 г.¹⁰⁹. Еще через год в письме Б.Д. Парыгину Поршнев сообщал: «Пишу и заканчиваю одновременно две книги»¹¹⁰, и хотя они не названы, речь тогда могла идти только о двух книгах: «Франция, Английская революция и европейская политика» и «О начале человеческой истории».

История издания второй из них продолжалась четыре года, была связана с острейшей борьбой и завершилась уже после смерти автора¹¹¹. Вероятно, в начале 1970 г. Б.Ф. заключил с издательством «Мысль» договор, по которому обязался представить в издательство рукопись, объемом 27 авторских листов. Но в конце того же года он принес в издательство рукопись значительно большего объема – 35 листов. Этот «просчет» обернулся необходимостью сокращения рукописи: Поршнев полностью убрал главу «Появление огня», почти полностью – главу «Плотоядение», половину главы «Дивергенция троглодитов и гоминид». Разделы упраздненных глав, которые Поршнев счел необходимым сохранить, он объединил в новую главу – «У порога неантропов». В таком урезанном виде в мае 1972 г. книга была сдана в набор; в июне Поршнев уже получил корректуру и сделал последнюю правку. Оставалось подписать книгу в печать...

Вероятно, уже после того, как Поршнев передал эту рукопись в издательство, имела место вторая попытка его выдвижения в члены-корреспонденты АН СССР. Рекомендательное письмо было подписано

¹⁰⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. 1974. С. 13.

¹⁰⁹ Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 7. С. 124.

¹¹⁰ Письмо Поршнева Парыгину от 21 мая 1969 г. Копия письма хранится у автора настоящего очерка. Оригинал утерян.

¹¹¹ Подробнее см.: Вите О.Т. «Я – счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б.Ф. Поршнева // Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2005.

двумя философами, членами-корреспондентами АН СССР – Ц.А. Степаняном и Т.И. Ойзерманом¹¹². Рекомендация не датирована, но по косвенным признакам это был 1971 или даже 1972 г. Такая датировка подтверждается и воспоминаниями С.В. Оболенской¹¹³.

По словам Ойзермана, который до сих пор убежден, что Поршнев был достоин избрания членом-корреспондентом АН СССР, проблема состояла в том, что Отделение истории АН СССР не стремилось поддержать Б.Ф., тогда как для поддержки со стороны Отделения философии у него было слишком мало опубликованных работ – только «Феодализм и народные массы»¹¹⁴. От многих людей, знавших Поршнева лично, мне приходилось слышать одно и то же объяснение его стремления «стать академиком»: он полагал, что только академический статус гарантирует сохранность его научного архива, а значит и его доступность для будущих исследователей.

В конце лета 1972 г. главную редакцию социально-экономической литературы издательства «Мысль» возглавил В.П. Копырин, активный противник издания монографии Поршнева. Подписание книги в печать отодвинулось на неопределенное время, а в начале ноября было принято решение рассыпать типографский набор. Для Поршнева это событие стало последней каплей – символом поражения, разгрома...

26 ноября 1972 г. Борис Федорович Поршнев скончался.

С уничтожением набора и смертью Поршнева борьба за выход его книги в свет не прекратилась, в том числе, и в руководстве издательства: между теми, кто стремился не допустить в печать «анти-марксистскую книгу» (Копырин), и теми, кто добивался опубликования (в первую очередь, заведующая философской редакцией И.А. Кадышева). Внешнюю поддержку изданию обеспечили заведующая сектором философских проблем психологии Института психологии АН СССР Л.И. Анцыферова, заведующий сектором народов зарубежной Европы Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР С.А. Токарев и заведующий кафедрой философии Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС Х.Н. Момджян, подписавшие редакционное предисловие к книге. Копырин готов был отступить, но у него оставалось одно категорическое требование: главы «Споры о фундаментальных понятиях», содержащей кощунственный намек на ошибку Энгельса, в книге быть не должно. В результате, удалось достичь компромисса:

¹¹² ОР РГБ. Ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 11. Л. 7-9.

¹¹³ Оболенская С.В. Указ. соч. 67-68.

¹¹⁴ Устное сообщение г-на Ойзермана автору настоящего очерка (январь 2005 г.).

объем этой главы сократили вдвое, а «статус» оставшейся половины был понижен до уровня раздела другой главы.

Осенью 1974 г. книга Поршнева «О начале человеческой истории», наконец, увидела свет. В 1979 г. вышел перевод книги на словацкий¹¹⁵, а в 1981 г. – на болгарский¹¹⁶ (София) языки. В 2005 г., к 100-летию со дня рождения Поршнева, петербургское издательство «Алетейа» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований подготовило второе издание этой книги на основе полной авторской рукописи, включающей все, что было сокращено в 1971-1974 гг. Одновременно, в полном виде выходит и аналогичное болгарское издание в Софии¹¹⁷.

¹¹⁵ *Poršnev B.F.* O začiatkoch ľudských dejín: problémy paleopsychológie. Bratislava, 1979.

¹¹⁶ *Поршнев Б.Ф.* За началото на човешката история (проблеми на палеопсихологията). София, 1981.

¹¹⁷ Полная поршневская версия рукописи книги «О начале человеческой истории» для российского и болгарского изданий восстановлена автором этих строк на основе сохранившихся архивных материалов.